

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И ВОЛЕВОГО ЭЛЕМЕНТОВ УМЫСЛА

Р. З. АВАКЯН

Законодательная обрисовка прямого и эвентуального (косвенного) умысла в ст. 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик дана таким образом, что в ней представлены все проявления и стороны психики человека: интеллектуальные (познавательные), волевые и эмоциональные в их единстве.

Сознание виновным лицом общественно опасного характера своего действия (бездействия) и предвидение их общественно опасных последствий является содержанием интеллектуального элемента при прямом умысле.

Как известно, «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 года определяли следующим образом интеллектуальный момент при умысле: «Меры социальной защиты судебно исправительного характера применяются лишь в отношении лиц, которые... действуя умышленно, предвидели общественно опасный характер последствий своих действий». В этой связи Б. С. Никифоров полагает, что «Основные начала» раскрывали понятие умысла лишь в плане отношения лица к общественно опасному характеру последствий своих действий¹. Но в таком случае получается, что ранее действовавшее законодательство не включало в характеристику умысла сознание виновным лицом общественно опасного характера совершаемых им действий.

Помимо того, что предвидение виновным общественно опасного характера последствий своих действий необходимо включает и сознание общественно опасного характера самого действия, в «Основных началах» содержалась также характеристика умысла в плане психического отношения лица к своим действиям: уголовная ответственность наступала в тех случаях, когда лицо предвидело общественно опасные последствия, *действуя* умышленно.

Интеллектуальное отношение виновного лица к своему поступку выражается прежде всего в сознании им общественно вредного характера своих действий. Законодатель здесь имеет в виду не просто сознание лицом того, что вредно и что полезно для общества, а речь идет о той степени общественной опасности деяния, которая определяет его противоправность в смысле уголовного права². Следовательно, в таком плане и нужно проводить анализ интеллектуального компонента при умысле³.

Возражая против этого, И. Лекшас утверждает, что «если требовать такого рода сознания (противоправности.—Р. А.), то в конечном счете получается, что вместо того,

¹ См. Б. С. Никифоров *Об умысле по действующему уголовному законодательству*, «Советское государство и право», 1965, № 6, стр. 26.

² См. А. А. Пионтковский. *Учение о преступлении по советскому уголовному праву*, Госюриздат, М., 1961, стр. 355.

³ Положение о том, что при анализе интеллектуального элемента умысла следует выдвинуть на передний план сознание общественно опасного характера деяния, является практически односторонним, так как в нем не фигурирует признак противоправности деяния. Но «общественная опасность и противоправность деяния связаны в уголовном праве как содержание и форма. Едва ли возможно сознавать содержание—степень общественной опасности, требуемой для признания деяния преступным, и не сознавать правового выражения этого содержания—противоправности деяния в смысле уголовного права» (А. А. Пионтковский. *Указ. соч.*, стр. 355).

чтобы при отправлении правосудия исходить из морали нашего трудового народа, получающей свое выражение в законах государства, суды вынуждены будут признавать в качестве основания для исключения наказуемости правовые и моральные воззрения преступников... Такие теории, требующие наряду с осознанием объективных обстоятельств, отмеченных в составе преступления, еще и сознание противоправности, ...приводят к тому, что обращается внимание не столько на демократическую законность, сколько на противоречащие законности воззрения преступника»⁴.

Но суждения И. Лекшаса явно противоречивы. Так, в одном случае он согласен с тем, что «преступник сознает, что своим действием или бездействием он может осуществить определенное преступление»⁵, а в другом—отрицает сознание противоправности, хотя совершенно ясно, что сознание преступника о совершаемом определенном преступлении и есть сознание противоправности (и уголовной наказуемости) деяния⁶.

В содержание интеллектуального элемента прямого умысла входит и предвидение виновным лицом общественно опасного характера последствий своих действий.

Криминалисты различным образом исследуют этот признак—применительно к «материальным» и «формальным» преступлениям.

По Б. С. Никифорову, в материальных преступлениях «предвидение является разновидностью сознания: предвидение—это сознание развития явления и его, этого развития, результата. Если данное явление представляет собой результат другого явления, то предвидеть этот результат—значит *сознавать* свойство породившего его явления, сознавать связь между этим другим явлением и результатом и его (результата) характер»⁷.

В формальных же преступлениях «совершение действия есть вместе с тем и причинение результата, и *предвидеть* результат отдельно от действия здесь нельзя»⁸.

А. А. Пионтковский по этому же поводу замечает, что в формальных преступлениях «умышленный характер совершенного деяния предполагает прежде всего наличие предвидения (сознания) фактических черт совершаемого действия или бездействия, которые относятся к объективным признакам состава преступления»⁹.

Самое деление преступлений на «формальные» и «материальные» имеет в своей основе разграничение преступлений по последствиям. В формальных преступлениях, по мнению их сторонников, объективированный ущерб, причиняемый действиями виновного лица, отсутствует, а в материальных преступлениях признаком «материально ощущаемого» вреда является обозначенное в диспозиции состава общественно вредное последствие.

Искусственность деления конкретных составов преступлений на «формальные» и «материальные» очевидна, и недаром сторонники дифференцированного подхода употребляют эти понятия вместе с выражением «так называемые», что показывает несловоточность такого деления. Совершенно ясно, что каждое преступление, посягающее на ту или иную область общественных отношений, причиняет—да и не может не причинять—ущерб социалистическим общественным отношениям. С другой стороны, если этим отношениям не был причинен вред, — значит совершенные действия не были общественно опасными и противоправными и, следовательно, преступление не было совершено. Как удачно заметил Ф. Полячек, каждое преступление нарушает или ставит в опасность

⁴ Ион Лекшас. Вина как субъективная сторона преступного деяния, перевод с немецкого, Госюриздат, М., 1958, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 46.

⁶ И. Лекшас выставляет положение о том, что сознание общественно опасного характера деяния не является признаком интеллектуального элемента умысла; однако невозможно ратовать за сознание преступником общественно вредного характера совершаемых действий и в то же время отрицать его (см. Ион Лекшас. Указ. соч., стр. 58).

⁷ Б. С. Никифоров. Указ. соч., стр. 27 и сл.

⁸ Там же, стр. 27.

⁹ А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 350.

объект (предмет) преступления, и в этом смысле все преступления материальны¹⁰. Состав конкретного преступления всегда является материальным, потому что каждое преступление, являясь общественно опасным и противоправным деянием, посягает на тот или иной объект. Если же классифицировать составы преступлений подобным образом, если делать различия между составами конкретных преступлений,—можно будет сделать вывод о формальном значении «формальных» преступлений, так как деяние, не причиняющее ущерба социалистическим общественным отношениям, не может считаться преступлением.

Некоторые криминалисты делают отсюда далеко идущие выводы. А. А. Пионтковский, к примеру, пишет: «Закон (ст. 8 Основ уголовного законодательства) описывает содержание умышленной преступной деятельности применительно к так называемым материальным преступлениям...»¹¹. Но в таком случае получается, что законодательная обрисовка понятия умысла на формальные преступления, которые составляют 60% всех преступлений¹², не распространяется, либо следует признать, что формальные преступления совершаются только по неосторожности. Например, оскорбление, которое считается формальным преступлением, с субъективной стороны совершается только по неосторожности. Однако в законодательном тексте данной статьи указывается, что оскорбление—это умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (ст. 131, ч. I, УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), а следовательно, оно по неосторожности не может быть совершено¹³.

Волевой элемент прямого умысла характеризуется тем, что виновное лицо желает наступления общественно опасного последствия своих действий.

Мне кажется, что подобное законодательное определение волевого компонента умысла недостаточным образом выражает сущность, специфику этого момента и не является должной характеристикой волевого элемента прямого умысла. И действительно, «наличие желания, направленного на тот или иной предмет, как цель, еще не является законченным волевым актом... Желание переходит в подлинно волевой акт, который в психологии принято обозначать неуклюжим термином «хотение», когда к знанию цели присоединяется установка на ее реализацию, уверенность в ее достижимости и направленность на овладение соответствующими средствами. Хотение—это устремленность не на предмет желания сам по себе, а на овладение им, на достижение цели. Хотение имеется там, где желанна не только сама по себе цель, но и действие, которое к ней приводит»¹⁴.

Виновное лицо при прямом умысле не просто «желает» наступления определенного вредоносного результата, «само наступление этого последствия доставляет лицу удовлетворение, т. е. с ним непосредственно связаны чувства, побуждающие лицо совершить преступление»¹⁵.

При существующей законодательной формулировке волевого элемента можно сделать вывод, что лицо, действуя с прямым умыслом, имеет представление лишь о цели

¹⁰ См. Франтишек Полячек. Состав преступления по чехословацкому уголовному праву, перевод со словацкого, изд-во «Иностранная литература», М., 1960, стр. 134.

¹¹ А. А. Пионтковский. Указ соч., стр. 348.

¹² См. Б. С. Никифоров. Указ соч., стр. 27; его же, Применение общего определения умысла к нормам Особенной части УК, «Советское государство и право», 1966, № 7, стр. 115.

¹³ Сторонники деления преступлений на материальные и формальные не всегда последовательны в своих суждениях. К примеру, Б. С. Никифоров пишет, что «в формальных преступлениях общественно опасный результат органически включается в действие (Б. С. Никифоров. Об умысле по действующему уголовному законодательству, стр. 27).

¹⁴ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, М., 1940, стр. 432.

¹⁵ В. Г. Макашвили. Волевой и интеллектуальный элементы умысла. «Советское государство и право», 1966, № 7, стр. 104.

преступления, но не о средствах, с помощью которых эта цель может быть реализована. А раз это не так, раз признается, что при прямом умысле лицо одинаково «желает» и преступной цели, и совершения преступления данными средствами для достижения этой преступной цели¹⁶, то надо быть последовательным до конца и признать, что характеристика волевого отношения через термин «хотение» выражает природу психического отношения к последствию так, как и бывает в практической жизни.

При совершении преступления с эвентуальным умыслом лицо сознавало общественно опасный характер своего действия (бездействия), предвидело его общественно опасные последствия и сознательно допускало наступление этих последствий. Нетрудно заметить, что законодатель при обрисовке интеллектуального компонента умысла не делает различий между его двумя главными видами: прямым и косвенным, и потому нельзя утверждать, что «характерной особенностью интеллектуального момента в эвентуальном умысле является предвидение лишь возможности, вероятности наступления преступных последствий»¹⁷. А. А. Пионтковский считает также, что сознание неизбежности наступления вредных последствий является принадлежностью прямого, а не косвенного умысла¹⁸. По этому поводу А. Н. Тихонов совершенно справедливо пишет: «Указание на то, что предвидение неизбежности результата всегда свидетельствует о прямом умысле, неосновательно расширяет понятие прямого умысла и позволяет говорить о нем даже там, где не установлено желание преступного результата со стороны виновного, поэтому, может, в ряде случаев неправильно ориентировать практику в вопросах установления субъективной стороны»¹⁹.

Имея в виду общность интеллектуального элемента прямого и эвентуального умысла, Б. С. Никифоров полагает, что не следует говорить о сознании и предвидении; нужно отыскать общий одночленный показатель для обоих видов умысла, и таким показателем следовало бы признать сознание²⁰.

Однако, будучи общим показателем, это понятие явилось бы характеристикой как интеллектуального элемента прямого умысла, так и эвентуального умысла в отдельности. Между тем законодатель говорит не только о сознании, но и предвидении, и их амальгамирование, по нашему мнению, является недопустимым. «Сведение интеллектуального процесса, входящего в содержание умысла, к одному только «предвидению» или к понимаемому в том же смысле «сознанию» упрощает этот психический процесс и лишает возможности психологически дифференцировать его и тем самым уточнить юридический анализ умысла»²¹.

Волевой компонент косвенного умысла характеризуется сознательным допущением виновным лицом наступления общественно опасных последствий своего действия.

Криминалисты различным образом комментируют это положение.

По мнению одних, речь идет о тех случаях, «когда виновный не может не сознавать, что его действия могут привести или неизбежно приведут к последствиям, вредным для основ советского строя или для охраняемых советским государством интересов, и, несмотря на это сознание, соглашается на наступление указанных последствий»²²

¹⁶ См. Б. С. Никифоров. Применение общего определения умысла к нормам Особенной части УК, стр. 120.

¹⁷ А. А. Пионтковский. Указ соч., стр. 363.

¹⁸ Там же, стр. 364.

¹⁹ А. Н. Тихонов. К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве, «Правоведение», 1963, № 3, стр. 85.

²⁰ См. Б. С. Никифоров. Об умысле по действующему уголовному законодательству, стр. 27.

²¹ Б. С. Утевский. Вина в советском уголовном праве. Госюриздат, М., 1951, стр. 187.

²² Там же, стр. 262.

Другие полагают, что сознательное допущение общественно вредных последствий означает предвидение лицом возможности наступления этих последствий²³.

Следовательно, в первом случае признается сознание виновным лицом вероятности и неизбежности наступления вредных последствий своих действий, а в другом случае волевой элемент характеризуется лишь через категорию возможности.

Сознание неизбежности наступления общественно вредного результата означает и его желание, а во втором случае такое желание отсутствует.

Большинство криминалистов придерживается того мнения, что при эвентуальном умысле у виновного отсутствует желание наступления общественно вредных последствий содеянного²⁴.

Волевой элемент при эвентуальном умысле следовало бы определять не только через категорию возможности, но и категорию желания. Ибо можно желать и того, в достижимости чего не уверен²⁵, и желание в таком смысле близко к пожеланию, но не к хотению²⁶, что, как уже отмечалось, является характеристикой волевого элемента при прямом умысле.

²³ См. «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 28.

²⁴ См. А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 363 и сл.; А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. Госюриздат, М., 1957, стр. 200 и сл.; С. В. Бородин. Квалификация убийств по советскому уголовному праву, Высшая школа МООП РСФСР, 1963, стр. 162 и сл.; В. Я. Лифшиц. К вопросу о понятии эвентуального умысла, «Советское государство и право», 1947, № 7, стр. 42. Здесь же В. Я. Лифшиц подвергает критике самый термин «сознательное допущение». Он считает, что этот термин недостаточно ясно выражает волевой элемент косвенного умысла. «Прежде всего,— пишет он,—бесспорно с филологической точки зрения, что слово «допущение» подразумевает не действие (содеяние), а бездействие». Это неправильное суждение. В Толковом словаре русского языка указывается: «Допускать—терпеть, сносить, попустительствовать; позволять себе что-нибудь делать; предполагать, считать возможным...» (Толковый словарь русского языка, т. I, ОГИЗ, 1935, стр. 772).

²⁵ См. С. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 432.

²⁶ Там же.